

Качалова знали и любили, наверное, все. Часто по радио из черной тарелки репродуктора звучал его неповторимый бархатный голос: он читал стихи или исполнял сцену из спектакля «На дне» или сказку Алексея Толстого о свинье-художнице. Его часто можно было видеть в так называемых «сборных концертах». Я уже не говорю о главном деле его жизни — о

Автограф Качалова

МХАТе, где он царил абсолютно. Мне много раз доводилось видеть и слышать великого артиста и в концертах, и в спектаклях, хочу вспомнить об одном из таких радостных событий.

Это было в необыкновенно морозный вечер января или февраля 1941 года. В клубе МГУ на улице Герцена был творческий вечер Василия Ивановича. Концерт открывала известная пианистка Мария Гринберг, а когда отзвучала музыка и отшумели аплодисменты, на сцену вышел Качалов. Все зрители в едином порыве поднялись с мест, и буря аплодисментов переполнила зал. Такого мне раньше видеть никогда не приходилось.

Это был праздник от начала и до конца, но для меня в этом концерте было нечто абсолютно новое — сцена из спектакля «Царь Федор Иоаннович» А.К. Толстого, где Качалов одновременно исполнял несколько ролей.

Посередине сцены был поставлен стул, и все происходило вокруг него. То Качалов садился — и это был безвольный, сомневающийся царь, то он вставал слева или справа от стула — и был уже то Годунов, то Шуйский, которых царь хотел примирить. Чуть сзади стула показывал, что в разговор вступала ца-

рица Ирина. В какой-то момент Качалов отходил к кулисе и давал понять, что у стен дворцовой палаты волнуется и шумит народ. Качалов перевоплощался на глазах замерших зрителей: каждый его герой обладал своим голосом, своей манерой, имел характерные именно для него жесты и позы. Временами в полной мере терялось ощущение того, что сцену ведет один артист!

Когда кончился концерт, восторгам зрителей не было предела, и Василий Иванович читал и читал стихи на «бис». Ему не преподносили тогда цветы: где их можно было достать и как принести в такую морозную пору?

В конце концов у эстрады сгрудилось человек 20—25 самых восторженных. Занавес закрылся, а Василий Иванович стоял на авансцене и продолжал читать стихи. Казалось, ему самому не хотелось уходить, а мы стояли в буквальном смысле у его ног.

...Прошло более двух лет, шел военный 1943 год. Я в это время был в Москве, но вскоре отправлялся на фронт. Во МХАТе уже шли спектакли. Как-то из киосков я увидел маленькие фото артистов Художественного театра и купил фотографию Качалова. Я написал ему письмо, в котором вспомнил довоенные спектакли, тот самый концерт

зимой 1941 года, и вложил в конверт фотографию с просьбой об автографе!

Фотография вернулась ко мне не сразу, а когда я вскрыл конверт, то увидел, что кроме снимка, аккуратно завернутого в полупрозрачную бумагу, там была еще записка. На фотографии фиолетовыми чернилами было написано: «На добрую память М. А. Шлугеру, С приветом, В. Качалов». Но главное все же было в записке, написанной на узкой полоске плотной глянцевитой бумаги. Вот ее содержание:

«Прошу извинить, тов. Шлугер, что долго не возвращал фотокарточки — был в отъезде и болел — лежал в больнице.

С приветом, Василий Качалов. 30/IV-1943».

Эта записка ошеломила меня. Как же так? Великий Качалов извиняется передо мной за задержку фотографии! Он ведь где-то высоко, на Олимпе, он бесконечно занят, и пишу ему, не сомневаюсь, многие. А тут такое внимание... Сколько же подлинной интеллигентности в стиле и характере этой маленькой записки, сколько уважительности к поклоннику своего таланта, обыкновенному московскому театралу!

Михаил ШЛУГЕР.

